

Ия Нечаева

Россия, Москва

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБЛАСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПЕРИОД АКТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Ключевые слова: орфография, иноязычное заимствование, дестабилизирующие факторы, графический облик слова, вариативность, системность письма.

Key words: orthography, foreign lexical borrowing, destabilizing factors, orthographic word form, systemacy of spelling.

1. Как мы знаем, русский язык последних десятилетий весьма заметно меняется. Очевидно, что существует тенденция к обновлению языковых средств выражения, обусловленная социальными причинами. В чем она проявляется? Это восприимчивость к внешнему влиянию (со стороны других языков), развитие субстандартных подсистем языка (различных сленгов), размытость границ самого языкового стандарта (понятие нормы и нормативности требует уточнения), смешение сфер употребления лексических единиц и стилей, повышенная вариативность. “Торжествующий языковой вкус с его стремлением к свежей выразительности, к обновлению во что бы то ни стало влечет за собой резкий рост вариативности средств выражения, заставляет опробовать самые различные способы и приемы вербально-коммуникативного творчества” (Костомаров 1999: 42).

Обусловленность языковых явлений явлениями социальными в принципе не подлежит сомнению и не раз отмечалась; см., например, (Григорьева 2004: 229). Орфография как принятая в обществе система правил передачи графическими средствами языкового содержания – здесь не исключение. Мы помним, что в период общественного единомыслия доминировало представление о необходимости жесткого языкового и нормативного стандарта, “режимное орфографическое сознание” (Григорьева 2003: 260); в свою очередь, наметившееся движение к общественным переменам на рубеже 20-го – 21-го веков отразилось и на функционировании национального языка, включая письмо. Это привело к возникновению явлений, не имевших прецедента в прошлом, для которых на сегодняшний день не существует четких критериев нормативной оценки.

Наше внимание будет сосредоточено на области заимствования. Высокая активность процессов межъязыкового взаимодействия – одна из наиболее заметных языковых перемен. При этом современная языковая ситуация выявляет проблемы, которые заключаются не столько в самом процессе заимствования, сколько в способах освоения заимствованных слов, в том числе в области правописания. В этом случае имеет место ряд дестабилизирующих факторов, которые можно разделить на две группы: это факторы внешние и факторы внутренние.

2. К *внешним* факторам относится в целом влияние иных языковых систем, усилившееся в конце 20-го – начале 21 века, прежде всего – основного языка-источника (английского). При этом имеет значение как фонетика этимона, так и в ряде случаев его орфография.

Появляются, в частности, слова, фонетически чуждые русской речи, напр. слова на ...*шен/шин*, ...*жен/жн* (*эки(е)н* [англ. action], *нон-фикш(е)н* [англ. non-fiction], *ресепш(е)н* [англ. reception], *феш(е)н* [англ. fashion], *фьюж(е)н* [англ. fusion] и др.). Освоение подобных слов, не имеющих аналогов в русском языке, затруднено, что обуславливает наличие частотных письменных вариантов. Языковые предпосылки их колебаний понятны: это скопление согласных на конце слова, нехарактерное для русского языка, поэтому возникает потребность добавить вставной гласный звук. Ситуация осложняется вариативностью произношения данных слов и в самом языке-источнике. Так, английский словарь Oxford дает к слову *ресепш(е)н* транскрипцию с неммым гласным (/risɛpʃn/), а словарь Collins – с произносимым редуцированным (/risɛpʃɛn/).

Другой случай внешнего влияния – смешанное применение транслитерационного и транскрипционного способов передачи, которое имеет место, например, в орфографии слова *имейл / е-мейл* [англ. e-mail], во втором варианте его написания (ср. графическое сходство этимона и его кириллического эквивалента). Вообще основным способом передачи иноязычных слов в настоящее время является, как известно, транскрипция, т.е. передача звучания. Но в данном случае мы имеем дело с влиянием иноязычной орфографии. И хотя некоторые словари фиксируют только первый вариант (*имейл*), нельзя не признать, что во втором варианте (*е-мейл*) лучше учитывается структура иноязычного слова, что также немаловажно при передаче заимствований.

Еще один случай внешнего влияния – правописание сложных слов иноязычного происхождения или созданных по иноязычному образцу (типа *интернет-проект*, *бизнес-реклама*, *секс-шоу*, *шоу-бизнес* и т.п.; данная модель очень продуктивна). Об общности языковых процессов и существовании универсальных моделей

словообразования в разных языках пишет Е.И. Голанова (см. [Голанова 1998: 35]); “русский язык оказывается сейчас не просто терпимым, но именно восприимчивым к любым новообразованиям по иноязычным [...] моделям”, считает В.Г. Костомаров (Костомаров 1999: 243). Что касается орфографии, то внешнее воздействие на нее проявляется в таких узуальных явлениях, как раздельное написание композитов различной структуры (*биг мак* [big Mac], *фаст фуд* [fast food], *комфорт класс* [comfort class], *супер хит* [super hit], *реалити шоу* [reality show] и др.), что для русского правописания является аномальным. Возникает проблема установления границ слова, которая должна разрешиться в русле русской орфографической традиции. Этимологическое влияние здесь очевидно, поскольку в английском языке подобные конструкции представляют собой словосочетание; однако в русском языке их таковыми признать нельзя, что должно быть выражено и в правописании (слитно или через дефис).

У слова *пентхаус* / *пентхауз* [англ. penthous] (а также *таунхаус* / *таунхауз* и под.) английский этимон с глухим согласным на конце при образовании плюральной формы [penthouses] меняет свое звучание: конечный согласный основы становится звонким. Это является причиной распространения двояких написаний в русском языке. Должно ли данное позиционное изменение согласного в этимоне учитываться при заимствовании? Этот вопрос пока остается открытым. Однако упомянутая особенность английского языка является источником орфографических колебаний в русском.

И так далее, примеры можно продолжить.

3. К *внутренним* факторам относится недостаточная разработанность принципов орфографической нормализаторской деятельности, их несоответствие современному состоянию языка. Обилие вариантов в письменной сфере, которая обычно является наиболее устойчивой к вариативности сферой языка, об этом свидетельствует. В основе орфографических противоречий лежит неоднозначность мотивации многих написаний, а также различия в понимании принципа системности письма.

Идеология нормирования в русской орфографии сложилась на протяжении 1-й половины 20 века и принципиально не менялась по настоящее время. Суть ее состоит в представлении о безальтернативности письменной нормы, в соответствии с которым допускается только одно нормативное написание слова в рамках жесткой орфографической дихотомии “норма – ошибка”. Орфографическая вариативность считается избыточным и нежелательным явлением.

На наш взгляд, подобное представление противоречит современным языковым реалиям, поскольку в ряде случаев не существует безусловного критерия определения *правильного* в орфографии. А там, где нет такого критерия, вступает в действие субъективный фактор. Но то, что выбрано произвольно, не может считаться общеязыковой нормой. В первую очередь это касается заимствованных слов. Если для исконной лексики норма формируется с опорой на существующие орфографические правила, то для заимствований действуют общие принципы установления написаний: это соответствие иноязычному произношению, соотнесение с морфемным составом этимона – с одной стороны, и адекватность структуре принимающего языка и системе его письма – с другой. Однако при формировании конкретной орфограммы данные принципы могут вступать в противоречие друг с другом. В области заимствования достаточно много спорных явлений. Это связано, в частности, с конфликтом этимологической и внутрисистемной адекватности написаний, проявляющимся на морфемном уровне. Приведем примеры.

Слово *римейк* / *ремейк*. Согласно этимологии [англ. remake] (/r^hmeik/), в первом слоге произносится гласный [i], что соответствует первому варианту написания. Но поскольку первый слог этимона вычленяется как префикс, умозрительно представляется логичным уподобить это слово (и подобные ему) другим существующим в языке словам иноязычного происхождения с аналогичным префиксом иноязычного происхождения, который пишется с буквой “е”: *реорганизация*, *реинкарнация*, *реабилитация*, *реанимация*, *регенерация*, *регрессия*, *репатриация* и т.п. Таким образом, в конфликт вступают этимология и внутренние языковые аналогии; подробнее см. в статье (Нечаева 2005). Ряд англицизмов с данной проблемой правописания в русском языке открыт и время от времени пополняется; ср., напр. *рирайтинг* / *перайтинг* [англ. rewriting] (‘обработка исходных текстовых материалов в целях их дальнейшего использования’) и, соответственно, *рирайтер* / *перайтер* [rewriter] (/r^hrait≐/) (‘сотрудник газеты или журнала, который пишет статьи на основе других публикаций’). Следует, однако, заметить, что проведение внутриязыковых аналогий не приводит к упрощению правописания, поскольку существует проблема вычленения префикса в иноязычном слове: необходимо проводить различие между префиксальными образованиями и словами типа *риелтор* [англ. realtor], иначе есть опасность совершения орфографической ошибки.

Этимологический и синхронно-парадигматический принципы конкурируют и при установлении таких орфограмм, как *шоп(н)инг* [англ. shopping], *блог(г)ер* [англ. blogger]

рэн(н)ер [англ. *rapper*], *флеш-моб(б)ер* [англ. *flash-mobber*] с этимологическим удвоением согласной. (Об этом см. в статье (Нечаева 2012).) Являясь заимствованиями, эти слова способны вовлекаться и в сферу мотивированных знаков принимающего языка (ср. *шоп*, *блог*, *рэн*, *флеш-моб*, где нет консонантного удвоения), хотя в данном случае речь не идет о прямых деривационных отношениях. Проводить ли в данном случае внутриязыковую унификацию написаний? (то есть следует ли сохранять этимологическое консонантное удвоение или следует избавиться от него в слове *блоггер* – исходя из того, что *блог* такого удвоения не имеет?) Этот вопрос также относится к числу спорных и приводит к разногласиям в орфографической среде.

В слове <*хэтчбек*> [англ. *hatchback*] дважды встречается фонема /э/ после твердого согласного; передача ее с помощью гласных э/е традиционно составляет проблему. (По правилу, после твердого согласного обычно пишется “е”, кроме нескольких слов-исключений: *мэр*, *пэр*, *сэр*, *мэтр*, *пленэр*, *рэкет* и некоторых других.) Соответственно данное слово образует четыре варианта написания: *хэтчбек*, *хетчбэк*, *хэтчбэк*, *хетчбек*. Это один из наиболее сложных случаев. Две буквы “э” в одном слове со времен академика Я.К. Грота принято считать нежелательными; следовательно, вопрос заключается в том, в каком из двух слогов употребить букву “э”, а в каком – “е”. По фонетическим причинам это должен быть первый слог (*хэтчбек*): поскольку задненебные подвержены смягчению, это способствовало бы поддержанию твердости произношения. Однако в целях морфемной унификации со словами *бай-бэк* (‘вид товарообменной операции’), *бэк-вокал* (‘вокальное сопровождение сольного пения’), *бэкграунд* (‘фон, задний план’), *бэк-офис* (‘задняя часть офиса, не предназначенная напрямую для работы с клиентами’) и некоторыми другими, зафиксированными немного раньше в данной орфографии, орфографический словарь предлагает писать «э» во втором слоге: *хетчбэк*. Но надо сказать, что в узусе такое написание непопулярно.

Вопреки орфографическому правилу о том, что сложные слова на *мини-...* (типа *мини-юбка*) пишутся по-русски через дефис, некоторые слова с данной первой частью имеют в узусе преобладающую слитную орфограмму: это, например, слово *минивэн*, чему причиной его написание в языке-источнике (восходит к англ. *minivan*). Что должно быть в данном случае определяющим: этимологическая адекватность написания слова или внутрисистемные аналогии? Теория орфографического нормирования не дает ответа на вопрос. К такого рода исключениям относятся также слова *минимаркет* (‘универсальный магазин малой торговой площади’), *миницикл*

(‘мини-мотоцикл – транспортное средство в виде небольшого мотоцикла’) и *минипьяно* (‘разновидность пианино особо малого размера, приспособленного для небольших по площади и кубатуре помещений’).

Оф(ф)шор [англ. offshore]. В этимоне данное слово имеет удвоенную согласную, однако в русском словаре есть заимствования, у которых этимологически вычленяется тот же префикс и которые закрепились с одиночной согласной (*офсайд* ← англ. offside, *офсет* ← англ. offset). Принятие написания *офшор* означало бы соблюдение русских орфографических аналогий, а написания *оффшор* – точность передачи этимона. Какой фактор должен быть сильнее – этимологический или синхронно-парадигматический, – на этот вопрос на сегодняшний день нет четкого ответа.

Слова *видео(-)арт*, *соц(-)арт*, *фото-арт* теоретически можно писать слитно, как подобные образования на *видео...*, *соц...* и *фото...* (*видеокассета*, *видеомагнитофон*, *соцреализм*, *соцсоревнование*, *фотокарточка*, *фотоальбом*), а можно – через дефис, по иноязычному словообразовательному образцу (ср. *поп-арт*, *нейл-арт*). Здесь имеют место двоякие орфографические аналогии, которые действуют разнонаправленно. Аналогия вообще часто служит инструментом орфографической унификации; однако проблема состоит в том, что в данном случае орфографические аналогии по первой части (*видео...*, *фото...* и др.) и по второй части (*-арт*) перечисленных сложных слов противоречат друг другу.

4. Таким образом, определение правильного написания у заимствований – вещь не столь тривиальная, как может показаться на первый взгляд. Часто существует объективная возможность посмотреть на проблему с разных сторон и подобрать различные, объективно существующие, основания для написания.

Механизм возникновения колебаний, реализуемых в узуальной орфографической вариантности, еще требует своего углубленного изучения. Однако и сейчас уже можно сказать, что трудность орфографического выбора объективно основана на плюрализме языковых средств для передачи того или иного содержания. Система письма в ряде случаев предоставляет множественные лингвистически оправданные, но при этом противоречащие друг другу основания для выбора орфограмм. Возможность двоякой записи слов вытекает из множественности мотивировок, обоснованно возникающих у пишущего. Это явление мы будем называть двойной орфографической мотивацией. Двойная мотивация весьма характерна для русской орфографии и может касаться не только заимствований, но и исконных слов. Известный пример последнего – слово *разыскной* / *розыскной*, в первом слоге которого (безударном) по правилам должна

писаться буква “а” (буква “о” пишется под ударением); при этом, если рассматривать данное слово как прямое производное от существительного *розыск*, то следует сохранять графический состав производящей основы и нужно писать “о”. Таким образом, два лингвистических обоснования противоречат друг другу.

Как уже говорилось, несмотря на объективно существующий плюрализм орфографических трактовок, в русской нормативной орфографии до сих пор господствует однозначно-императивный подход к правописанию. Принято считать, что написание должно быть единым, устанавливаемым императивно, написания должны быть максимально унифицированными, а правило – максимально обобщенным. Однако на практике картина иная, и в этом заключается главное нормативное противоречие современного состояния письма. При этом, если орфограмма слова отражает одновременно несколько проблем правописания, количество вариантов возрастает многократно. Основные проблемы в орфографии заимствованных слов – это а) удвоенные согласные, б) употребление буквы “э” после твердого согласного и в) слитно-дефисные написания; см. об этом (Нечаева 2011). Например, слово <флеш-моббер> [англ. flash-mobber], имеющее отношение ко всем этим проблемам, встречается в восьми вариантах написания (разумеется, с разной частотой встречаемости): *флеш-моббер*, *флэш-моббер*, *флеш-моббер*, *флэш-моббер* и *флешмоббер*, *флэшмоббер*, *флешмоббер*, *флэшмоббер*.

Данная ситуация не может не беспокоить кодификаторов; возникает озабоченность поддержанием системности письма. Здесь могут быть различные решения. Нередко предлагается уподоблять новые орфограммы уже существующим (когда это возможно), системность понимается как письмо по формальному прецеденту. Так, 16 слов с начальной частью *блиц...* (*блицанализ*, *блицанкета*, *блицвизит*, *блицвикторина*, *блицинтервью*, *блицконкурс*, *блицматч*, *блицоперация*, *блицопрос*, *блицтурне*, *блицтурнир* и др.) были зафиксированы в орфографическом словаре в слитном написании по образцу хронологически более раннего заимствования *блицкриг*. Между тем слово *блицкриг* структурно отличается от других единиц этого ряда, поскольку его вторая часть не совпадает с самостоятельно употребляющимся существительным (подобно тому как *минивэн*, *минипьяно* отличаются от слов *мини-юбка*, *мини-спектакль* и под.). Поэтому считать его образцом для всего ряда последующих образований вряд ли целесообразно, и это подтверждается стихийным узусом.

На наш взгляд, уподобление системности письма простой унификации написаний свидетельствует о слишком упрощенном ее понимании. Проведение в жизнь принципа

орфографической унификации должно иметь разумные границы. Не следует также преувеличивать роль сознательного фактора в правописании. К сожалению, существует довольно устойчивое представление, согласно которому любые недостатки орфографии могут быть устранены волевым решением. Однако в результате такого подхода кодифицированная норма может потерять свою убедительность. Думается, честное признание спорности орфографического явления не противоречит системному взгляду на орфографию, а напротив, должно способствовать нахождению оптимального решения по преодолению орфографических противоречий.

Библиография

Голанова Е.И., 1998, *О “мнимых сложных словах” (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке)*, [в:] *Лики языка*, Москва: Наследие, с. 31–39.

Григорьева Т.М., 2003, *Ситуация орфографического режима в русском языке и ее последствия*, [в:] *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002)*, с. 259–261.

Григорьева Т.М., 2004, *Три века русской орфографии*, Москва: Элпис.

Костомаров В.Г., 1999, *Языковой вкус эпохи*, Санкт-Петербург: Златоуст.

Нечаева И.В., 2011., *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*, Москва: Азбуковник.

Нечаева И.В., 2005, *Мотивированность иноязычных слов: орфографический аспект проблемы*, “Русский язык в научном освещении”, № 1 (9), с. 83–95.

Нечаева И.В., 2012, *О шоп(н)инге, мини(-)взне и тайнах орфографической кодификации*, “Русский язык в научном освещении”, № 1 (23), с. 72–89.

Orthographical contradictions in the area of loanwords in the period of active linguistic changes

The end of the 20th century and the beginning of the 21st century saw appreciable changes in the Russian language. Observed, in particular, is an enhanced activity of lexical borrowing of foreign words. The increase in the inflow of new words makes topical the problems related to their adoption in writing. These problems arise from several destabilizing factors, which may be divided into two groups: external and internal factors.

Among the external factors is an enhanced influence of other linguistic systems, primarily of the main source language (English). It manifests itself in the emergence of new words, which are phonetically alien to Russian speech, in the influence of foreign orthography on the graphic form of loanwords, in separate writing of compound words.

Among the internal factors are an insufficient elaboration of the principles of orthographic normalization activity, the existence, in some cases, of double motivation for the orthography of a word whose graphic form is affected simultaneously by different grounds for its transference to Russian (for instance, etymology or internal relations in the borrowing language). The spontaneous competition of these grounds is often a cause for orthographic instability.